

Японский рай

Чтобы сделать хороший спектакль, нужны русские актеры, американские спонсоры и латиноамериканская публика, считает Тадаши Сузуки

Независимая.Н.А. — 2002 — 10 Января. — С.9.

Григорий Заславский
Шизуока-Москва

Василий-сан
и «The Chekov»

Группа «Мастерская Петра Фоменко» вернулась в Москву после двух недель выступлений в Японии. На «Русский сезон», который в Стране восходящего солнца приветствуют и поддерживают на самом высоком уровне,

свою очередь, открыл Сузуки для России), — так вот тут Сузуки не скрывал, что нашел в «Мастерской Петра Фоменко» людей, близких по духу, близких прежде всего преданностью профессии, серьезностью отношения к делу. Новые привязанности, однако же, не мешают прежним дружбам: уже в пятницу, 13-го, в Шизуоке начинает играть любовная Таганка. По приглашению

тели. Сейчас ничего такого нет. Остались только слухи и разговоры о безопасности... Может быть, эти разговоры и слухи тоже помогают. Короче говоря, очень похоже на русский «авось».

Тренинг посреди бамбука

Жизнь Сузуки и его театра поделена на три сезона — весенний, осенний и зимний. Зимний

дого креста здесь — канцониер. И где наконец удалось развернуться «фоменкам», теснясь в своем маленьком зале: чике на Кутузовском, где тесно и актерам и мыслям, которые вкладывает в спектакли Фоменко. И какой театральный восторг не позавидует Сузуки черной или белой завистью, посетив его Центр исполнительского искусства (SPAC), построенный специально для него в горах близости Шизуоки, настоящее театральное поместье, рай для театрального экспериментатора.

Здесь понимаешь, где и с кого брал пример наш Аватолый Васильев, у которого, рассказывают, перед тем как войти в репетиционный зал, артисты должны разуться. У Сузуки репетируют все босиком, а даже в офисе принято переодеть обувь. И только открытая сцена позволяет оставаться в уличных туфлях. В SPACе всего три сцены: открытая, повторяющая греческой амфитеатр (где будущим летом, как нам рассказали, Валерий Фокин поставит «Превращения» Кафки), репетиционный зал, внешне напоминающий более или менее традиционную японскую экину, хотя, конечно, более основательную. И третья — овальный зал, просторный, высокий, где стены и потолок поддерживают толстые каштановые столбы. Сейчас в этом зале — выставка, стоят манекены, одетые в костюмы чеховских героев, в костюмы из коллекции Музея МХАТа. Шпаль Казалова — Тузенбаха 1901 года, платье Тарасовой — Аркадиной (1960), Квинпер — Ревельской (1904), даже спящее уже в 80-м платье для Татьяны Лавровой. Репетиционный поражает театральным изяществом и качеством шитья, которым славилась мастерница Художественного театра.

В этот овальный зал нас привели под вечер. Пол ковра подвешен к стене и оставлен открытым. И за стеклом открылся вид на Фудзияму. И стало понятно, почему столько сил тратит Сузуки на разнообразные тренинги: какая же мера естественности и мастерства должна быть у актера, чтобы играть «в присутствии» Фудзиямы? Нынешнее похоже на наплыв Таганку, где, помнится, на новой сцене тоже имелась такая возможность, благодаря использованной Любимовым, когда в «Три сестры» стена тоже раздвигалась, и вместо шумного Садового бульвара за стеклом, за стеной обнаруживалась какая-то церковка и немосковская пыльная зелень. От одной площадки до другой у Сузуки надо идти мимо бамбуковой рощи, мимо чайных кустов, которые тоже сохранили (а вообще чай здесь растет вдоль дорог и встречается так же часто, как у нас карлсфельденские грибки). Говорят, при сильном ветре хлещет здесь страшно: бамбуковые стебли качаются и громко стучат друг о друга.

Иванов и Лебедев. Японский вариант спектакля «Иванов».

Фото Слэга Дуплена

те, театр нылал со всем скарбом. Ксения Кутузова прискала с полугодовым сыном Василием, который стал всеобщим любимцем, и иначе как Василий-сан его в Японии не называли.

После трех представлений «Войны и мира» театр получил почти трехдневный «отпуск», которые бестрашные актеры тут же употребили на купание в Тихом океане, чего местные жители, конечно, себе не позволяли: как-никак зима. А 6, 7 и 8 декабря на той же малой сцене «Принципа» (больше похожего даже не на большой корабль, а на атомную подводную лодку), «фоменки» сыграли «Волков и овец» (или, как называют спектакль сами актеры, — «Волков и овец») менее известного в Японии Островского. В Москве спектакль увидели почти всякая (директор театра порекомендовал мне спектакли, которые сыграют по случаю 10-летия театра в будущем году, в апреле-мае; тогда же обещают сыграть и «Двенадцатую ночь», и «Приключенские», и «Владимира III степень» — все, чем начиналась нынешняя большая и знаменитая «Мастерская...»).

«Фоменко» полюбили. Тадаши Сузуки, мэр и учитель, верный преданностью, то есть тем, с кем связывают его многочисленные дружеские и творческие отношения (например, Юрию Любимову, вместе с которым Сузуки придумал когда-то Театральные олимпиады, или Анатолию Васильеву, который, в

Сузуки на «Русский сезон» привезли «Мирта и маркуза де Сады», один из лучших спектаклей 85-летнего Мастера.

На вопрос о лучших актерах Сузуки не задумываясь отвечает: русские и английские... Потом делает паузу и добавляет, что публика при этом камава лучшая — латиноамериканская, а американцы хороши как спонсоры.

После Таганки в «Русском театральном сезоне» выступит сам Сузуки: придет пора сыграть его

в этом году достался русскому театру (в нем Сузуки предстоит сыграть три спектакля). Январь — выходной, потом — молодые японские хореографы, танцевальный фестиваль, а в марте предстоит фестиваль молодых японских режиссеров (нечто вроде нынчепного у нас «Эффективного декабря» у Аватолы Васильева). Ну, и летом Сузуки проводит традиционный фестиваль в другой своей «театральной деревне» — в Того.

Какая же мера естественности и мастерства должна быть у актера, чтобы играть «в присутствии» Фудзиямы?!

«Чехов». Свой спектакль Сузуки назвал по-английски «The Chekov», памятуя о том, что в переводе это может звучать еще и как «Это — Чехов», — по мысли Сузуки, соединяя нас, что хотел сказать, и все, что сказал в своих пьесах Чехов о себе самом.

Сотруднику Тадаши Сузуки я спросил, конечно, о безопасности, поскольку японцы, как известно, не понаслышке знают, что такое теракты. «После атаки в метро, — ответил мне, — я начал внимательно проверять публику, появились даже металлоискатели».

Пятьдесят актеров Сузуки тренирует, как спортсменов: и тренинг его, известные я в России, похожи на спортивные разминки, что-то из набора восточных единоборств. Тренинг — вещь, по Сузуки, необходимая и, кажется, куда более важная, чем самые спектакли, которые случаются в жизни его актеров не так уж часто...

Конечно, Сузуки можно только позавидовать. Восхищение вызывает малый зал «Принципа», в котором играют спектакли «Русского сезона»: в спящие каж-